

Символическая философия языка первой половины XX века: Э. Кассирер и П. Флоренский.

Эпоху господства так называемой философии языка, как правило, относят ко второй половине XX столетия. События, оцениваемые как «лингвистический поворот» в философии (а нередко под ними понимают и более сильные процессы – переворот, революцию и пр.), нашли свое воплощение в структурализме и постструктурализме, в герменевтике и психоанализе, в аналитической философии, постмодернизме и других течениях современной философской мысли. Относительно временных рамок становления философии языка могут возникнуть определенные сомнения. Так, знакомство с философской литературой еще начала ушедшего столетия (а не второй его половины) заставляет внести определенные коррективы в расхожие на сегодняшний день оценки и мнения по поводу возникновения философии языка. Есть все основания рассматривать уже этот – начальный – период XX века как эпоху, сместившую акцент на философско-языковую проблематику. В этой связи уместно привести в качестве подтверждающего примера логический позитивизм, трансформировавший науку как объект исследования в язык науки, а «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна – яркий пример философии языка, развернутой в подобном направлении. Даже такое, казалось бы, оппозиционное позитивистским установкам направление философской мысли первой половины XX столетия, как феноменология, в процедуру феноменологической редукции включает в качестве важнейшей ее составляющей метод прояснения понятий, связанный с обращением к языку; именно язык воспринимается Э. Гуссерлем как объективный механизм трансляции смыслов.¹ Стоит упомянуть и многочисленные ответвления структуралистских исследований в области естественных и гуманитарных наук – лингвистике, литературоведении, искусствознании, математике, психологии, которые возникали и методологически осмысливались именно в интересующий нас период, тем самым создавая почву для французского структурализма, мощно заявившего о себе позднее – уже в 60-х годах прошлого века.

Вряд ли стоит умножать примеры в подтверждение высказанного тезиса: философия языка становится доминантой философских изысканий уже с начала XX столетия. Гораздо важнее, как мне представляется, обнаружить своеобразие этого этапа философии языка, если таковое имеется. Безусловно, всяческие особенности выясняются в сравнительном анализе. И здесь напрашивается такой логический ход – сопоставить философские исследования языка первой и второй половины интересующего нас столетия. И мы будем иметь в виду сравнительный (диахронный) анализ двух половин столетия по интересующему нас вопросу в качестве некоего общего фона, но напрямую проведем сравнительный анализ другого рода. Попытаемся подтвердить присутствие философии языка в первой половине ушедшего столетия и выявить ее своеобразие, обращаясь к оценкам творцов данного направления философской мысли. Мы предполагаем, по сути,

¹ См. в этой связи Н.В. Бряник. Версия темы интерсубъективности в интерпретации Э. Гуссерля и М. Хайдеггера // Эпистемы. Вып. 2. Екатеринбург, 2003.

провести синхронный сравнительный анализ, поскольку воспользуемся суждениями мыслителей, творивших примерно в одно время, но принадлежащих к разным культурам. Представляется любопытным высветить рассматриваемое нами философское время через обнаружение неких инвариантных тем в творчестве таких непохожих личностей, как Э. Кассирер и П. Флоренский (не ошибусь, если отмечу, что для Флоренского неокантианство – носитель неприемлемого, враждебного для него мироотношения). Нестрогость формулировки («неких инвариантных тем») можно снять, заявив вполне определенно: и Э. Кассирер, и П. Флоренский разрабатывали философию символа как конкретную разновидность философии языка.

При чтении текстов П. Флоренского (я имею в виду такие его работы, как «Обратная перспектива», «Мысль и язык» (а в ней, в первую очередь, хотелось бы отметить ряд статей - «Наука как символическое описание», «Антиномия языка», «Магичность слова», «Имеславие как философская предпосылка»²) и таких произведений Э. Кассирера, как «Философия символических форм»³, «Язык»⁴, невольно возникает подозрение: нет ли здесь с чьей-нибудь стороны плагиата – настолько в унисон звучат их основополагающие тезисы в понимании значения и роли языка, да и самой его природы, они цитируют практически одних и тех же авторитетных для них исследователей (особого внимания у них заслуживает В. фон Гумбольдт), текстологически можно зафиксировать и другие совпадения. Самое поверхностное рассмотрение на этот счет позволяет снять всяческие сомнения и подозрения, поскольку названные тексты П. Флоренского написаны в 10-20-х годах, а Э. Кассирера – в 20-40-х. Ведь в нашей критической литературе сложилось мнение, что, как правило, заимствование идет со стороны отечественных мыслителей (западные – вне подозрения), тогда указанные сроки подготовки текстов дают основание признать оригинальность идей как одного, так и другого.

Судя по всему, и тот и другой мыслитель сознавали факт вступления современной им философии в эпоху языковых исследований. Это подтверждается и названиями вышеуказанных работ, и замыслами их творческой деятельности. Так, П. Флоренский считал, что существующие реалии, вслед за которыми движется и философия, утверждают символическое непонимание. Э. Кассирер, казалось бы, обнаруживает длительную историю философии языка, начало которой лежит, по его мнению, еще в раннегреческой мысли, когда Гераклит придал Логосу значение универсальной космической истины и наделил его семантической и символической функциями; важной вехой в истории философии языка Кассирер считает философско-лингвистические изыскания о происхождении и структуре языка В. фон Гумбольдта. И все-таки знакомство с идеями Кассирера показывает, что отнесение всех предшествующих этапов изучения языка к философии языка, является лишь своеобразной подстройкой прошлого, его модернизацией, позволяющей увидеть в истории философии истоки и предпосылки его собственных, наиболее значимых для него идей.

«Коперниканская революция» в философии, на которую претендует этот видный представитель неокантианства, состоит в том, что он обнаруживает универсальную среду обитания для всего того, что сотворяется в духовной сфере

² Указ. тексты можно найти в кн.: П.А. Флоренский. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Собр. соч. В 2 т. Т.2. М., 1990.

³ См.: Э. Кассирер. Философия символических форм: Введение и постановка проблемы // Культурология. XX век: Антология. М., 1995.

⁴ См.: Э. Кассирер. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.

(а ведь способность к духовной деятельности – отличительный признак человека и человечества в целом). Язык – тот субстрат, который переплавляет субъективное в объективное; он для нас является «одновременно и как нечто «внутреннее», и как нечто «внешнее» - как некоторая энергия внутреннего, которая выражается и объективируется во внешнем»⁵. Важно прояснить, на какие характеристики языка обращает внимание Э. Кассирер. Выделяя признаки языка как особого феномена, он одновременно раскрывает то новое предназначение языка, которое язык приобретает в современную эпоху (= эпоху человека современного типа): «слово лишилось таинственной власти, ... оно не может изменить природу вещей и подчинить их воле богов и демонов. Но это не означает потерю им всякого значения и власти. Это не просто ... дуновение ветерка. Самое главное в слове – не физические, а логические его свойства. Слово можно считать физически бессильным, однако в логическом смысле оно занимает отныне ... самое высокое место. Логос становится принципом универсума и первым принципом человеческого познания»⁶.

Обретение языком посредничества миссии в человеческой мироустройстве находит свое отражение в заявленной позиции – философии символических форм: «человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде... По сравнению с другими животными человек живет ... в новом измерении реальности ... Человек ... живет не только в физическом, но и в символическом универсуме»⁷. Концепция символических форм – это именно та позиция, которая проясняет контекст оригинального рассмотрения темы языка данным автором⁸. Таким контекстом для Э. Кассирера становится культура: именно культура раскрывает подлинно человеческое мироустройство - творение, конструирование, созидание духовных миров: «вся культура выражается в творении определенных символических форм, определенных идеальных миров»⁹. Поэтому философия языка в его толковании оказывается тождественной философии культуры и намеренно противостоит философии жизни, нивелирующей духовную жизнь человека.

Нельзя упустить еще один принципиально важный момент в философии языка Э. Кассирера. Хотя он раздвигает кантовский горизонт критики разума до критики культуры и уходит от рассмотрения сугубо интеллектуально-рассудочной деятельности человека, вместе с тем он до известной степени сохраняет заданное Кантом проблемное поле философии – его также волнуют в первую очередь теоретико-познавательные вопросы, проясняющие глубинные основания культуры. Гносеологическая проблематика по инерции перекочевывает в XX столетие, и неокантианцы ревностно охраняют эту

⁵ Кассирер Э. Философия символических форм. С. 184.

⁶ Кассирер Э. Избранное. С.570-571.

⁷ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Э. Кассирер. Избранное. Опыт о человеке. С. 470-471.

⁸ Не внося путаницы в основной текст рассуждений, хотелось бы оговорить некоторое свособразие употребления термина «язык» в кассиреровских текстах. Может сложиться впечатление, что для него язык – лишь одна из разновидностей символических форм, а не символическая форма как таковая. Поводом для подобного суждения могут служить те фрагменты его работ, где язык перечисляется наряду с такими духовными проявлениями (а стало быть, и символическими формами) как миф, искусство, наука, религия и др. Дело в том, что для Э. Кассирера язык интересен как продукт духа в его общечеловеческих и культурно-национальных особенностях, каким он предстает в лингвистике как науке о языке. Но это вовсе не отменяет того, что язык является способом объективации всех духовных творений человека (а значит, универсальной символической формой), о чем и идет речь в основном тексте.

⁹ Кассирер Э. Философия символических форм. С. 209.

традицию. Обратим внимание на упомянутую ранее кассиреровскую оценку, где он сопрягает принципы универсума и принципы познания. Весь пафос его философии языка (философии символических форм) направлен против «убогой» и «наивной» гносеологической позиции – теории отражения, настаивающей на трактовке познания как копирования и подражания действительности. По Э. Кассиреру, все духовные образования (а это, значит, – все феномены культуры, все разновидности символических форм) суть «формы чеканки бытия», они «не есть просто отпечатки наличной действительности», напротив, «всякое языковое выражение далеко от того, чтобы быть простым отпечатком налично данного мира ощущений или мира созерцаний, а, скорее, носит самостоятельный характер «придания смысла»¹⁰. Подтверждается этот принципиально важный для философии языка Э. Кассирера тезис обращением к мифам, религии, искусству, науке, как конкретным воплощениям человеческого духа и культуры.

Для П. Флоренского язык также неотрывен от творений духа, и он заявляет об этом, привлекая разный материал. Один из ярких его примеров – погружение в языковую среду науки и философии: вряд ли кто станет отрицать, что они являют собой самые значимые порождения человеческого духа. По их поводу он рассуждает так: «как наука, так и философия, будучи модусами языка, будучи ... полярно устремляющимися случаями употребления языка, несмотря на свою противоположность друг другу, все же суть, в существе своем, - одно, язык»¹¹. Опираясь на исследования предшественников и современников, П.А. Флоренский выстраивает свое видение языка, отвечающее достижениям времени. Задаваясь вопросами о природе языка, его происхождении и предназначении, он в ответах на каждый из них обнаруживает антиномичность языка – его двойственность и противоречивость, которые неустранимы и составляют полноту жизни языка. В обобщенном виде антиномизм языка, присутствующий в каждой его составляющей и в любых его проявлениях, можно выразить как сопряженность в нем вечности и деятельности, природы и культуры, стихии жизни и рациональности, общего (общечеловеческого или народного) и индивидуального: «язык не только имеет в себе эти борющиеся стремления, но и возможен лишь их борьбою, осуществляясь как подвижное равновесие начал движения и неподвижности, деятельности и вечности, импрессионизма и монументальности»¹².

В выделенных антиномиях языка узнаваемы те же его признаки, которые считал существенно важными для языка и Э. Кассирер (субстратность и энергичность, внутреннее и внешнее, субъективность и объективность, общезначимость и индивидуальность). Подобные качества языка, названные его характеристики позволяют преодолеть новоевропейскую парадигму в трактовке языка. Речь идет о том, что при всех концептуальных вариациях язык для мыслителей Нового времени – лишь функция и средство выражения человеческой мысли, когда он оказывается целиком и полностью замкнутым на человека и поставлен в зависимость от него, в первую очередь, от его интеллектуально-мыслительной и познавательной деятельности. В подобных трактовках упор делается на сделанность, искусственность и, в этом плане, условность языка. Пересмотр мыслителями конца XIX – начала XX столетий данной парадигмы подтверждают произведения интересующих нас философов. П. Флоренский так же, как и Э. Кассирер, рассматривает язык как универсальный

¹⁰ Там же. С. 202-203.

¹¹ Флоренский П.А. Антиномия языка // Указ. соч. С. 154.

¹² Флоренский П.А. Термин // Указ. соч. С.201.

посредник культуры, преодолевая тем самым интеллектуально-мыслительное пространство бытования языка: «язык – важный и монументальный ..., среда, в которой движемся, воздух, которым дышим... Мы дорожим языком, поскольку признаем его объективным, данным нам, как бы наложенным на нас условием нашей жизни; ... ибо личная наша мысль опирается не на уединенный разум ...»¹³. В цитировании произведена выборка лишь одной из сторон в выделенных им антиномиях языка, чтобы подчеркнуть преодоление П. Флоренским сугубо функциональной, субъективистской трактовки языка, когда его объективность сводилась лишь к тому, что под языком понималась искусственная система условных, материально-чувственных знаков. Всю силу своих аргументов он направляет против понимания языка как вспомогательного, подсобного средства, происхождение которого неясно, скрыто, да и не имеет принципиального значения. Ничтожность физической энергии, материально-чувственной силы, которые несут в себе слова, как составляющие языка, еще ни о чем не говорит, ведь главное в них смысл: «смысл слова определяется семеею слова ... Слои же семемы ... образуются особыми творческими актами, каждым из которых полагается завершение некоторого духовного роста, ... переживаемого целым народом... Каждый слой семемы есть оседание на слове духовного процесса, оплотнение духа...»¹⁴.

Новизна подобной трактовки языка – в выведении его за пределы индивидуальной человеческой деятельности и полагании его в основание культуры и в качестве творения духа, и в качестве универсального культурного посредника. У философии появляется реальный шанс избежать как психологического крена, когда последний и решающий объяснительный принцип сводится к психике как самой убедительной реальности в человеческой жизнедеятельности, так и социологизма, хорошо известного тем, кто прошел через пресс марксистской идеологии, объяснительный принцип которой замыкался на социальных отношениях. Язык, как объяснительный принцип философии, трансформирует всю ее направленность. Язык, понятый в своей сущности и происхождении как творение духа, как свидетельство духовного роста, переживаемого народами, объединяет философию языка с философией культуры. Об их тождественности можно говорить и применительно к философским воззрениям П. Флоренского. Как видим, и по данному принципиальному положению его позиция близка воззрениям Э. Кассирера.

Нельзя не отметить совпадения подходов данных мыслителей еще в одном существенном пункте: П. Флоренский так же, как и Э. Кассирер, раскрывает (и тем самым, подтверждает и укрепляет свою общую позицию в понимании языка) присутствие языка в механизмах познания. Ведь теория познания в начале XX столетия по-прежнему оставалась фокусом философских изысканий. То, каким образом представлен язык в познавательной деятельности, позволяет более четко выразить новизну и концептуальное своеобразие в понимании языка данными мыслителями. У П. Флоренского мы находим, что «словом ... разрешается познавательный процесс, объективируется то, что было до слова еще субъективным и даже нам самим не являлось как познанная истина»¹⁵, а также: «словом и чрез слово познаем мы реальность, и слово есть самая реальность. Таким образом, в высочайшей степени слово подлежит основной формуле

¹³ Флоренский П. А. Антиномия языка. С. 163.

¹⁴ Флоренский П. А. Магичность слова. С. 262.

¹⁵ Флоренский П. А. Имеславие как философская предпосылка // Указ. Соч. С. 290.

символа: оно – больше себя самого»¹⁶. Как расшифровать данную формулу, которая раскрывает само существо познавательной деятельности и в то же время совершенно в ином (отличном от новоевропейской философии) свете представляет роль языка в познании?

Слова есть особая реальность – звуковая, графическая, а при расширительном толковании, жесты, мимика, всевозможные сигналы и пр. – это также слова. Обобщая, можно сказать, что язык представляет собой всякую осмысленную выраженность внутреннего вовне. Смысл, несомый единицами языка, отличает его носителей – символы - от знаков. Смыслы (а с ними и символы), как было отмечено ранее, - творческий продукт культуры, они завязаны на традициях, которые не сиюминутно рождаются, а уходят в глубокие корни культуры. Знаки – условны и конвенциональны, обязаны своим появлением запросам конкретного места и времени. Символы и смыслы нерасторжимо связаны между собой - они представляют собой две стороны единого целого. Слово и представляет собой это двуединство символа и смысла. Благодаря наполненности символов смыслами познавательный процесс способен вывести познающего за пределы чисто субъективной, психологической реальности в мир культуры. Кроме того, символическая составляющая познания, согласно подходу П. Флоренского, позволяет совершить прорыв за рамки уже данного и достигнутого: будучи объективной реальностью, символы позволяют достичь подлинного (бытийственного) соединения познаваемого и познающего: «слово ... - новое, двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире. Оно – проток между разделенным до тех пор»¹⁷. Вот почему символы – это такая реальность, которая значима не сама по себе, а тем, что несет в себе особым образом сущности объекта и субъекта. Из подобного толкования природы символа и проистекает несколько парадоксальное, на первый взгляд, его определение, как такой реальности, которая больше самой себя¹⁸. Зато после данного разъяснения уже не покажется странным характеризовать слова, как символы-смыслы, а соответственно весь язык, как символический по своей сути феномен.

Поскольку познавательная связь (нередко именно так называет познание П.А. Флоренский) атрибутивна человеческой жизнедеятельности, а без решения вопроса о роли символа мы упускаем ее культурную обусловленность и неадекватно трактуем объективность познания, то П.А. Флоренский и настаивает на необходимости осознания символического жизнепонимания.

Что касается Э. Кассирера, то нуждается в развитии его идея, звучащая так: «Если вся культура выражается в творении определенных символических форм, то ... цель философии заключается в том, ... чтобы понять и осознать их в их фундаментальном формообразующем принципе»¹⁹. Как понимает символ данный мыслитель, и какую нагрузку несет на себе основополагающее для его символической философии понятие?

Мы находим у него разные подступы к понятию символа. Символ для него – это «выражение и манифестация ... духа в чувственном материале»²⁰. Имеется развивающая данный тезис такая его характеристика: « ... всякая новая

¹⁶ Там же. С. 291.

¹⁷ Там же. С. 292.

¹⁸ Подробнее о символической модели познания, опирающейся, в том числе, и на произведения Э. Кассирера и П. Флоренского см.: Н.В. Бряник. Введение в современную теорию познания. М., 2003.

¹⁹ Кассирер Э. Указ. соч. С. 209.

²⁰ Там же. С. 206.

«символическая форма» ...означает ... исходящее из Внутреннего во Внешнее откровение, синтез мира и духа, который впервые дает нам подлинную гарантию первоначального единства обоих»²¹. Э. Кассиреру важно заявить, что «все ... символы с самого начала выступают с определенной претензией на объективность и ценность. Все они выходят за пределы чисто индивидуальных феноменов сознания; они претендуют на общезначимость»²², именно поэтому благодаря символам текучие и мимолетные впечатления переплавляются в устойчивые формы духовной активности. Опираясь на эти признаки символа, он выходит к раскрытию сути языка: « ... в нем не обозначаются и не выражаются ни односторонние субъективное, ни односторонне объективное, но в нем появляется ... своеобразное взаимоопределение обоих этих факторов»²³. Излишним будет комментарий, обращающий внимание на сходство толкований символа П.А. Флоренским и Э. Кассирером.

Обоснованная претензия интересующих нас философов на создание «символического жизнепонимания» (на это претендовал П. Флоренский) или оригинальной концепции «символических форм» (о чем открыто заявлял Э. Кассирер) заставляет признать принцип символизма в качестве основополагающего в их философских построениях. Знакомство с идеями данных мыслителей подтверждает их завидную последовательность в реализации данного принципа, когда через призму символизма осмысливаются многообразные проявления человеческой жизнедеятельности и когда подобный ракурс рассмотрения позволяет представить их (проявления) как феномены культуры. Нет возможности в объеме статьи подтвердить данный тезис, обращаясь ко всем основным составляющим культуры, но проиллюстрировать какими-то яркими примерами символическую разновидность философии языка, по-видимому, имеет смысл. Наиболее показательны для демонстрации символической философии языка такие сферы культуры, как наука и искусство.

Что касается П. Флоренского, то уже цитировался важный для него тезис: наука есть язык. Попытаемся раскрыть символическое представление им науки. В отношении науки как формы культуры это, кажется, вполне уместным, поскольку достаточно прочно утвердилось мнение о том, что наука оперирует символами. Распространенное суждение о символичности науки все-таки поверхностно - оно производно от более тесной зависимости науки от символического миропонимания. Эта зависимость раскрыта П. Флоренским в ранее упомянутой статье «Наука как символическое описание». Статья интересна тем, что она написана в период бурного обсуждения революционных событий в физике конца XIX – начала XX столетий. В многочисленных публикациях самих ученых и философов ведется полемика о том, что собой представляет физическая теория. Отечественным философам, по-марксистски оценивавшим события в науке рубежа предыдущих веков, революция в физике, сопровождавшаяся, с их точки зрения, так называемым кризисом в физике, хорошо известна по ленинской работе «Материализм и эмпириокритицизм». В статье П. Флоренского звучат многие имена, известные по ленинской книге, правда, с иными, зачастую прямо противоположными, оценками (взять хотя бы фигуру Э. Маха). Сравнительный анализ оценок В.И. Ленина и П.А. Флоренского мог бы стать темой самостоятельного рассмотрения. По интересующему нас вопросу П. Флоренский поддерживает тех мыслителей,

²¹ Там же. С. 206-207.

²² Там же. С. 180

²³ Там же. С. 185.

которые считали, что физическая теория не является объяснением, а является всего лишь описанием. Он пишет в конце статьи, вполне однозначно заявляя свою позицию: «... всегда останется общее основоначало всех наук – именно то, неотделимое от существа их, что все они суть описания действительности. А это значит: все они суть язык и только язык»²⁴. Науку как описание он связывает с языком – символическим представлением - и противопоставляет ее иной трактовке науки, когда цель ее видят в объяснении. Ведь объяснение, как он считает, претендует на единственность, на то, что оно и только оно раскрывает саму сущность того, что изучается физической теорией. Тогда как описание физических явлений с помощью математических или механических моделей может быть вариативным, когда одни и те же опытные данные описываются разными теориями или когда один и тот же исследователь выстраивает разные (порой никак не связанные между собой или даже противоречащие друг другу) модели по поводу одних и тех же объектов и процессов. Сошлемся только на один пример, который присутствует в рассуждениях П. Флоренского: «Что же ... есть электромагнитная теория Максвелла, заложившая фундамент всей современной физики и... всего нового понимания мира (...) я не сумел бы дать более краткого и определенного ответа, чем следующий: теория Максвелла есть система уравнений Максвелла»²⁵. Внимательный читатель не может не отметить некоторой несостыковки общего понимания символа, которое мы обнаружили у П. Флоренского, и его конкретизации применительно к науке как символическому описанию. Ведь символ для него свидетельствует о слиянии сущностей познаваемого и познающего, а здесь он критикует сущностную трактовку науки – поскольку всякое объяснение есть не что иное, как познание сущности. Противоречия, на мой взгляд, нет. Не принимая объяснительную трактовку того, что собой представляет физическая теория, он выступает против сведения ее (и науки в целом) только к сущности познаваемого. Он пишет так: «... символ перестал бы быть символом и сделался бы в нашем сознании простою и самостоятельной реальностью, никак не связанною с символизируемым, если бы описание действительности предметом своим имело бы одну только эту действительность: описанию необходимо ... иметь в виду и символический характер самих символов, т.е. особым усилием все время держаться сразу и при символе и при символизируемом. Описанию надлежит быть двойственным»²⁶. Выходит, физическая теория зависит не только от познаваемого объекта, но и от познающего субъекта (носителя символов) - в этом заключается двойственность ее оснований. Сущность познающего непосредственно сказывается на содержании физических теорий: и здесь важно все – особенности психического склада исследователя, полет его фантазии и игра воображения, полнота и цельность его духовной жизни и многое другое. Аргументы П. Флоренского интересны тем, что своеобразие познающей стороны он доводит до раскрытия стиля мышления как духовно-культурной составляющей исследовательской деятельности в науке, которая оказывает влияние на выбор моделей и гипотез и на всю процедуру описания. Он выделяет близкий ему по духу английский стиль мышления в физике (которому «дорог сырой факт, ... дорога природа ... английскому вкусу нравится дерево с естественными волокнами ... все возможно непосредственно добытое из земли, из леса, из моря»²⁷) и соответственно –

²⁴ Флоренский П. А. Наука как символическое описание // Указ. соч. С. 124.

²⁵ Там же. С. 116.

²⁶ Там же. С. 120.

²⁷ Там же. С. 120-121.

немецко-французский, прямо противоположный по своим характеристикам («чопорный», «искусственный», преувеличивающий логическую строгость и математическую точность физических теорий). Из этого вовсе не следует, что теоретические построения немцев и французов в области физики не носят символического характера и не являются описаниями: ведь «все объяснения условны, ибо всякому данному объяснению с равным правом может быть противопоставлено другое, этому – опять новое, - и так до бесконечности»²⁸.

Для П. Флоренского наука не является каким-то исключением в культуре – она также подчиняется принципу символического миропонимания. С этой стороны раскрытый символизм науки – свидетельство ее культуротворящей сути. В этой же статье, посвященной существу самой передовой в тот период науке – физике, он поясняет свою символическую трактовку искусства: «...художественным образам приличествует наибольшая степенность воплощенности, конкретности, жизненной правдивости, но мудрый художник наибольшие усилия приложит к тому, чтобы, преступив грани символа, эти образы не соскочили с пьедестала эстетической изолированности и не вмешались в жизнь, как однородные с нею части ее. ... натурализм живописи до «хочется взять рукой»; внешняя звукоподражательность в музыке; протокольность в поэзии и т.п., ... вот преступление ... против искусства, соответствующее расплывчатости рубежей между научными образами и изучаемой действительностью»²⁹. Символизм обнаруживает одновременно и существо науки и искусства и их глубинное сходство.

Есть у П. Флоренского тексты, напрямую раскрывающие символическую природу искусства. Сошлюсь только на одну из его статей - «Обратная перспектива». В ней он оспаривает широко распространенное среди историков и теоретиков живописи мнение о том, что реальный мир устроен по принципам перспективы, а потому «перспективное изображение мира есть единственное правильное, как одно только соответствующее подлинному восприятию, ибо естественное восприятие якобы перспективно»³⁰. Обращаясь к истории зарождения перспективной основы в изобразительном искусстве, мыслитель приводит любопытный конкретный материал для доказательства неестественности перспективы. Разве естественно заведомо параллельные очертания изображать сходящимися линиями, углы и отрезки, равные между собой – неравными, напротив, неравные – равными, а прямые углы – тупыми или острыми. Он показывает, что потребовалось более пятисот лет обучения и социального воспитания, чтобы человечество привыкло воспринимать перспективу как нечто естественное. Его теоретический вывод относительно живописи и искусства в целом таков: «изображение есть символ, всегда, всякое изображение, и перспективное и не-перспективное, какое бы оно ни было, и образы искусств изобразительных отличаются друг от друга не тем, что одни – символичны, другие же, якобы, натуралистичны, а тем, что, будучи равно не натуралистичными, они суть символы разных сторон вещи, разных мировосприятий, разных степеней синтетичности. (...) и перспектива, если она стоит чего-нибудь, должна быть языком, свидетельницей реальности»³¹. В этом выводе воедино сведены все выше рассмотренные положения философии языка

²⁸ Там же. С. 118.

²⁹ Там же. С. 121.

³⁰ Флоренский П. А. Обратная перспектива // Указ. соч. С. 78.

³¹ Там же. С. 80-81.

П.А. Флоренского: и узловая роль языка, и взаимоопределимость языка и символа, и вписанность подобного видения искусства в контекст культуры.

Если брать кассиреровскую трактовку науки и искусства, то надо признать, что он также не отступает от концепции символизма, а на приводимых им примерах духовного творчества в этих сферах мы постигаем всю полноту и сложность возникновения и функционирования их (науки и искусства) как специфических символических форм. Окидывая взором развитие современной науки и, в первую очередь, ее передовой части (а в то время это была математическая физика), он приходит к выводу: «... все развитие точного естествознания показывает, что на самом деле всякий прогресс в постановке его проблем и в его понятийных средствах шел рука об руку с возрастающей утонченностью его знаковых систем. (...) знак есть не просто случайная оболочка мысли, но ее необходимый и существенный орган. Он служит не только цели сообщения готового мысленного содержания, но является инструментом, благодаря которому само это содержание складывается...»³². Язык науки – одна из символических форм, конституирующая смысловую взаимосвязь чувственно-эмпирического материала таким образом, что мы имеем научные понятия, формулы, законы и все то, что относят к миру науки. По Кассиреру, каждая из духовных энергий, т.е. каждая составляющая культуры, располагает собственным конститутивным принципом, который позволяет представлять явления соответственно своей особой символической форме. Так, «например, всеобщее отношение, которое мы называем «временем», в той же мере есть элемент научно-теоретического познания, в какой оно является существенным моментом определенных конструкций эстетического сознания»³³, но в науке и искусстве время предстает по-разному, поскольку формообразующие их символы принадлежат не одному и тому же, а соположенным смысловым мирам. Аналогично этому и «единство пространства, которое мы строим себе в эстетическом созерцании и в эстетическом творчестве – в живописи, пластике, архитектуре – принадлежат совершенно иной ступени, нежели то единство, которое представлено в известных положениях геометрии...»³⁴. Искусство, как и наука, – одна из символических форм. В подтверждение определяющей роли языка для существования искусства сошлюсь на одну из его оценок, а именно: «... мало оснований определять и понимать искусство либо как простое выражение внутреннего, либо как воспроизведение образов внешней действительности – в нем также решающий и характерный момент заключается в том способе, посредством которого «субъективное» и «объективное», чистое чувство и простое отображение проникают друг в друга и именно в этом взаимопроникновении приобретают новое содержание и новый статус»³⁵. В трактовке искусства он так же, как и П. Флоренский, выступает и против понимания его как отражения, копирования, и против субъективистского активизма, иллюзионизма. Символическая материя – это не просто средство объективации уже сотворенного, а способ самого процесса созидания, формообразования – отсюда и название символические формы.

С точки зрения Э. Кассирера, культура выражена многообразием символических форм различных составляющих культуры, каждая из которых есть не что иное, как некое смысловое единство, заданное определенным

³² Кассирер Э. Философия символических форм // Указ. соч. С. 177.

³³ Там же. С. 188-189.

³⁴ Там же. С. 189.

³⁵ Там же. С. 185.

конститутивным принципом и воплощенное в соответствующей символической форме.

Заострим внимание еще вот на какой момент. Выделяя важные этапы в развитии философии языка, пронизательный Э. Кассирер называет структуралистский подход, противопоставляя его позитивистским концепциям языка. Уже в 30-40-ые годы он обнаруживает в исследованиях по языку новый принцип и называет его структурализмом. У него имеется весьма любопытная оценка нового подхода в философии языка: для структурализма язык – самодостаточное и самое устойчивое из всех социальных явление, именно поэтому в структуралистских теориях отыскиваются закономерности языка. Тем самым, Э. Кассирер полагает, что возможно расширение горизонта существования и влиятельного воздействия языка - ведь к его неуловимым «энергиям духа» добавляется вполне осязаемая реальность социальных явлений как контекст понимания сути языка. А это уже шаг к структуралистским открытиям 60-х годов, когда языковые структуры обретают статус самой весомой реальности, хранящей в себе все социокультурное наследие, и воспринимаются как единственный и исключительный способ объективной манифестации всей палитры социальных норм.

Вряд ли можно обойти вопрос о том, имеются ли различия в концепциях символической философии языка рассмотренных нами мыслителей. Безусловно, есть, хотя в данном изложении упор сделан на сходстве их позиций. Различия проистекают из того, что П. Флоренский – религиозный философ и его представления о символизме и языке подпитывала средневековая культура, символическая по своей мировоззренческой доминанте, тогда как идеи Э. Кассирера органично вырастают из нововоропейской культуры, выстроенной вокруг человека и его сознания. Конечно, истоки их воззрений не могли не сказываться и на понимании ими принципа символизма, но это предмет самостоятельного обсуждения.

Таким образом, проведенное исследование позволяет признать существование философии языка в качестве доминанты философского творчества ряда крупных мыслителей уже в первой половине XX столетия. В выводах я не ограничиваюсь конкретными фигурами П. Флоренского и Э. Кассирера, так как они не являются единственными выразителями подобного положения дел. К ряду крупных мыслителей подобного толка можно отнести и К. Поппера (а также, наверняка, и многих других философов). Если брать значимую для него эволюционную эпистемологию, которую он начал разрабатывать еще в 30-50-х годах, то самая оригинальная идея, на которой держится вся его теория, связана с особой трактовкой языка. Язык, для К. Поппера, - это «третий мир», объективный по своей сути и поэтому предназначенный для хранения продуктов человеческого духа, мира культуры. Эти положения вписываются в основные принципы рассмотренных в статье концепций.

С содержательной же стороны, символическая философия языка предложила новую парадигму в объяснении природы языка, которая вывела его за пределы человеческого сознания в мир культуры. Тем самым философия языка смыкается с философией культуры, а язык становится онтологическим принципом объяснения в философских построениях.